

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Б.Г. АХМЕТШИН
(Уфа)

Рецензия на: Народная поэзия Арзамасского края. Сказки: В 2 кн. / Сост. и авт. проекта Ю.А. Курдин. — Кн. 1. — Арзамас: АГПИ, 2002. — 503 с.; Кн. 2. — Арзамас: АГПИ, 2003. — 703 с.

Перед нами две добротные, красиво оформленные книги одного большого тома русских сказок, изданного в рамках 10-томной серии «Народная поэзия Арзамасского края». Проект задуман и осуществляется научным коллективом ученых-гуманитариев (филологов и историков) Арзамасского государственного педагогического института при участии преподавателей и сотрудников Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия должна состоять, по замыслу авторов, из 24 книг и призвана представить широким кругам читателей и научной обществу всё многообразие и богатство наиболее популярных форм традиционного фольклора края. Основу ее составят самые, так сказать, исконные жанры, издавна бытовавшие и бытующие поныне, народного творчества южной Нижегородщины, начиная с архаичной обрядовой поэзии, продолжая паремическими жанрами (пословицами, поговорками, загадками, заговорами, сюда же можно отнести детский фольклор и народные игры) и завершая лирико-песенным (в том числе частушечным) и эпическим родами словесно-музыкального искусства, а также духовными стихами, легендами и рассказами-воспоминаниями на религиозные темы.

Говоря о расположении материала по томам и всему корпусу издания, необходимо отметить не совсем обычную, т.е. не принятую в научно-исследователь-

ской и учебно-методической литературе, но основательно продуманную, а главное — логически обоснованную и в то же время глубоко оправданную его компоновку. Центром притяжения всех других жанров русского фольклора в этих томах являются наиболее устойчивые и едва ли не в первоизданном состоянии дошедшие до нас ранние виды поэзии, которые сопровождаются соответствующими обрядовыми действиями и в которых слово надделено и продолжает отчасти сохранять свое магическое значение. Сюда следует отнести заговоры и заклинания, приметы и гадания (8-й том), календарную (4-й том) и семейно-бытовую (5-й том) обрядовую поэзию, пословицы и поговорки (6-й том), детский фольклор (7-й том). Предшествуют этому шесть книг народной эпики и духовных стихов. Изначальное и главенствующее положение этих жанров вполне объяснимо: как раз с ними прежде всего ассоциируется само понятие народного творчества в целом; их потенциальными и реальными носителями и исполнителями являются фактически все представители нации; они постоянно у всех на устах, это и есть фольклор в общепринятом смысле этого слова. Замыкает весь цикл «шестикнижие» из песен и частушек, этих «вечно живых» жанров русского народного творчества. Бесконечно многообразные, исключительно подвижные и моментально откликающиеся на все повороты и зигзаги жизни, они несут в себе всю глубину мировосприятия, силу и мощь творческого гения народа.

Композиционно-структурную цельность и завершенность книгам придают тщательно продуманные и основательно выверенные вступительные и заключительные статьи историко-филологического и фольклорно-этнографического характера, в которых обстоятельно и последовательно прослеживаются исто-

ки и корни, особенности развития и становления, а также прошлое и современное состояние традиций русского фольклора в регионе. Учитываются при этом и его локальные разновидности, вызванные иноязычным (тюркским и угро-финским) окружением и взаимодействием с устной поэзией других народов. Утверждается, например, что многовековые исторические связи издавна живущих в крае русского и мордовского народов, испытанное временем и поколениями добрососедство, обилие смешанных браков обусловили появление и распространение общих или сходных элементов в их свадебном ритуале. Здесь как нельзя кстати звучат слова П.А. Мельникова-Печерского, который в комментарии к описанному им в 1851 г. обряду и исполняемым при этом песням-плачам мордовско-эрзянской свадьбы указывал: «Мне остается только заметить, что приведенные причитания, хотя и записаны слово в слово с причитаний мордовских, но они свойственны и русским Арзамасского уезда» [Мельников 1851]. Данный феномен объясняется еще и тем, что после покорения Казани исконно мордовские земли между Окой и Сурой раздаются московскими властями участникам похода. Начинается интенсивное колонизационное движение, или переселение русских людей на новые владения. Постепенно появляются селения и деревни со смешанным мордовско-русским составом жителей, что приводит к общности в жизни, труде и быту, активному взаимодействию и взаимопроникновению их обрядов и устной словесности. Отсюда необыкновенная пестрота и столь яркое своеобразие хорошо сохранившихся (особенно среди старообрядцев-раскольников) обрядовых комплексов, многожанрового фольклорного наследия в духовной культуре местного населения. Это подтверждается отчасти меткими наблюдениями того же П.А. Мельникова-Печерского, отчасти материалами, собранными в XIX веке в Нижегородской губернии и Арзамасском уезде, которые широко представлены в общерусских фольклорных сборниках А.Н. Афанасьева, В.И. Даля, П.В. Киреевского, А.И. Соболевского, П.В. Шейна [Афанасьев 1984—1985; Даль 1993; Киреевский 1911; Соболевский 1895—1902; Шейн 1898—1900].

Однако неразработанность научной методики полевой фольклористики и собирательской работы в целом, отсутствие налаженной системы фиксации не позволяли тогда установить точную локализацию и провести паспортизацию выявленных устных произведений по месту бытования и принадлежности той или иной школе исполнительского искусства и художественного мастерства, а также индивидуальному творчеству конкретного певца или сказителя. Поэтому из огромного числа сказок, записанных В.И. Далем за годы его одиннадцатилетней службы управляющим удельной конторой Нижнего Новгорода и переданных им А.Н. Афанасьеву, в новом сборнике арзамасцев воспроизведена лишь одна, а остальные не нашли в нем места, так как «адрес» их остался неизвестным. То же самое можно сказать и о сборнике «Великорусских сказок в записях И.А. Худякова», хотя ему «повезло» несколько больше: из полновесного его трехтомника собственно нижегородскими признаны одиннадцать сказок, которые и получили соответствующую «прописку» в новом издании. Гораздо полнее выглядят с этой точки зрения разделы, представленные во второй книге тома текстами из сборников, изданных в разные годы, в основном в советское время [Чернышев 1950; Комовская 1951; 1956; Потявин 1960; Морохин 1979; 1994 и др.].

В книгу вошли сказки, записанные в южных районах Нижегородской обл. в течение XIX—XX веков. Таким образом, она представляет, можно сказать, полтора-два столетия истории бытования и развития сказочной традиции, а также собирания и изучения данного вида народной поэзии не только в крае, но и, в какой-то мере, во всей России. Этому способствует основательно разработанный и широко используемый в сборнике вспомогательный арсенал, благодаря которому становится возможным установить все обнаруженные соответствия публикуемым текстам в других изданиях как сугубо исследовательского характера (систематические и сравнительные указатели сюжетов, каталоги и другой справочный аппарат), так и конкретно-практического и научного значения (извлеченные из архивов и хранилищ разрозненные образцы жанра; классиче-

ские, ставшие хрестоматийными сборники, в том числе монографические, сказок XIX—XX веков; публикации их в специальных трудах, исторических сочинениях и периодических изданиях типа «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского, собраний Д.К. Зеленина, Д.Н. Садовникова, А.М. Смирнова в «Записках РГО» [Добровольский 1891—1903; Зеленин 1914; 1915; Садовников 1884; Смирнов 1917] и др.). Тем самым опыт арзамасских ученых приобретает познавательную и теоретическую значимость и вводится в научный обиход, предоставляя большие возможности для разработки как общих, так и частных вопросов сказковедения.

Особо следует подчеркнуть, что рассматриваемая вторая книга свода проникнута непреходящим духовным смыслом пушкинского наследия. Все участники, внесшие свою лепту в составление сборника, так или иначе испытали на себе благотворное воздействие пушкинских сказок, навеянное не в последнюю очередь его записями произведений местного фольклора (в том числе и сделанных осенью 1830 г. в родовом имении поэта Болдине).

Собиратели и исследователи сказок Нижегородского края старались находить в записанных ими текстах сходжения, созвучия и аналогии с пушкинскими сюжетами, мотивами и героями. Больше всех преуспел в этом В.И. Чернышев. Дело здесь не только в том, что он несколько ранее остальных и более целенаправленно и последовательно взялся за собирание болдинских сказок, что само по себе весьма существенно. Особенно важно то, что талантливый исследователь творчества А.С. Пушкина сохранил все особенности местного говора, а в комментариях привел подробные сведения об исполнителях. Записанные почти сто лет спустя (1928 г.) сказки донесли до нас мировоззрение народа и колорит устной поэзии пушкинской поры, можно сказать, в первоизданном состоянии, так как тогда еще не наступили бурные перемены в быту и сознании советских крестьян. На преемственность и некоторую обусловленность сборника собирательской и творческой деятельностью поэта указывает и его название — «Сказки и легенды пушкинских мест» [Чернышев 1950].

В этом же ракурсе следует рассматривать и сборник профессора Нижегородского университета В.Н. Морохина «Песни и сказки пушкинских мест», вошедший в себя материалы многолетней фольклорно-экспедиционной работы студентов в разных районах области [Морохин 1979]. Должное внимание уделено в нем сюжетам пушкинских сказок в их современном бытовании (например, «Чудесным детям», широко известным читателям по «Сказке о царе Салтане...»).

Научная значимость опубликованных во второй книге тома более 30 сказок из собраний Н.Д. Комовской [Комовская 1951; 1956], записанных на территории разных районов области, усиливается благодаря подробным комментариям фольклориста, в которых передана обстановка и творческая атмосфера бытования местных сказок.

Еще большую полноту и весомость изданию придают сказки, извлеченные из собраний В.М. Потявина (8 текстов), В.Н. Морохина (56 текстов), Н.В. Морохина (28 текстов) и М.П. Шустова (12 текстов) и опубликованные во второй книге «диалогии» (всего 165 текстов). Они позволяют представить нижегородскую сказку в более внушительном объеме и широком диапазоне бытования, в эволюции и историческом развитии, а также изучить ее современное состояние в сравнении с давними и глубинными традициями жанра.

В отличие от второй книги тома первая выглядит гораздо скромнее, хотя оформлена с таким же вкусом и изяществом. Если во второй книге 700 страниц, то в первой — «всего» 500. К тому же добрую сотню занимают в ней предисловие, вступительная и заключительная статьи, комментарии, разные указатели, иллюстрации и прочий справочный и научный аппарат. В то же время она вобрала в себя 250 сказок, тогда как вторая превосходит свою предшественницу по количеству страниц почти в полтора раза, хотя и состоит из одних только сказочных текстов, которых насчитывается на 85 единиц меньше, т.е. их ровно 165. Это объясняется, как пишет в заключительной статье «Алатырь — камень русской жизни» вдумчивый составитель и пытливец исследователь этих сказок Ю.А. Курдин, постепенной утра-

той современными носителями и исполнителями эпического мировосприятия, ослаблением традиции мастерства словесного живописания, а также тем, что в устном бытовании язык и стиль позднейших сказителей становится более сжатым, лаконичным, а то и сухим, черствым. Поэтому происходит неизбежное при таких переломах сужение и уменьшение объема рассказываемых ими сюжетов. Так, в XIX столетии на долю каждой напечатанной волшебной сказки приходилось в среднем по 3,5 страницы книжного текста, а теперь — только по полторы. Тогда нередко печатались сказки, занимавшие по 10 и более страниц, теперь, казалось бы, даже самые разветвленные и пространные тексты занимают в лучшем случае не более трех страниц.

Как и подобает солидному научному изданию, в томе уделено должное внимание жанровому составу и разновидностям публикуемых сказок. К вопросу систематизации и внутривидовой дифференциации составитель подходит также ответственно, с учетом опыта своих давних предшественников и именитых коллег и предлагает глубоко обоснованную классификацию изучаемых им сказок. Они распределяются по следующим четырем рубрикам: сказки о животных, волшебные, легендарные и новеллистические, а также анекдотические и докучные. Особый раздел в первой книге отведен сказкам, рассказанным самыми талантливыми исполнителями наших дней. Данный раздел не только завершает книгу и адекватно воссоздает современную картину сказочного творчества края, но и при всей своей неполноте (представлен репертуар только 8 сказочников из 108 обнаруженных в последние годы) позволяет судить о ведущих тенденциях развития жанра за последние полтора года. Для такого предположения имеются веские основания, так как по количеству собранных записей (158 сюжетов) сборник даже несколько превосходит материал «Сравнительного указателя сюжетов» [СУС 1979]. В этом убеждает и предпринятый составителем качественный анализ опубликованных сказок по их жанровым разновидностям.

Путем многолетних наблюдений над судьбами и эволюцией жанра Ю.А. Курдину удалось установить, что наиболее

активно бытующими среди населения области остаются, как и прежде, сказки о животных, в то же время интенсивно теряют свое ведущее положение как по количеству, так и по популярности среди наших современников социально-бытовые сказки. Этот процесс обусловлен, как справедливо полагает исследователь, изменениями в социально-политической жизни страны, в частности исчезновением целых общественных групп и сословий, против которых и были направлены своим острием эти повествования. Столь быстрому их уходу из устного бытования способствуют также всё более властно заявляющие о себе не только в быту, но и через средства массовой информации анекдоты, в подавляющем большинстве низкопробные, апеллирующие к чувственным и потребительским инстинктам человека.

Немалое беспокойство составителя и одного из авторов тома вызывает положение волшебных сказок в современной жизни, поскольку они также находятся в состоянии кризиса, о чем свидетельствуют даже формальные параметры этого рода сказки (упрощение лексического состава, выхолащивание поэтического стиля, обеднение выразительных средств и, как следствие, сокращение объема текста). Кроме того, в разделах сказок о животных и анекдотических фигурируют сюжеты (№ 24, 30, 45, 52, 54, 44, 162, 163), которые не отмечены в классических сборниках сказок и в СУС. Объясняется это, скорее всего, давно начавшимися и непрерывно происходящими миграционными процессами, всеобщей грамотностью и доступностью СМИ, что способствует проникновению в исконно русский сказочный репертуар инонациональных «бродячих» сюжетов.

Подобное «обогащение» может происходить не только вследствие межэтнических творческих контактов и взаимодействия разнонациональных фольклорных традиций в пределах одного жанра, но и из-за «размывания» границ смежных, как правило эпических, жанров в фольклоре одного и того же народа. Известно, что значительный пласт русских волшебных и бытовых сказок перекликается своим содержанием и образной системой с мифологическими и демонологическими рассказами или, как на-

звали их в народе, быличками и бывальщинами. Поскольку общественное сознание всё больше наполняется конкретно-историческим содержанием, суеверные представления постепенно преодолеваются, а сами рассказы лишаются главного, фактически приписываемого им как исполнителями, так и слушателями родового признака несказочной прозы — установки на жизненную достоверность и правдивость. Они воспринимаются теперь, подобно сказкам, в качестве произведений с абсолютно сознательной, изначально данной установкой на поэтический вымысел. Поэтому отдельные былички теряют со временем свою жанровую ориентацию и переходят в разряд народных сказок. Вслед за Ю.А. Курдиным в качестве таковых можно назвать сюжеты «Две снохи» (№ 101), «Лесной царь» (№ 105), «Два кума» (№ 106), «Про ведьму» (№ 108), «Соседушка» (№ 189) и др. Подобная модификация или трансформация жанра, надо полагать, зародилась и стала реальной приметой местного фольклора XX столетия. Не только отмеченное явление, но и другие обнаруженные исследователем процессы и выявленные им закономерности имеют, по видимому, не только локальную, но и общенациональную специфику и отражают новейшие тенденции в развитии духовной культуры народов нашей страны.

Значительную часть своей статьи автор посвящает рассмотрению современного состояния эпических традиций, особенностей бытования, практического назначения, развлекательно-увеселительного и назидательно-дидактического характера, своеобразия вымысла и художественной интерпретации житейских противоречий в творчестве отдельных исполнителей, образной системы и средств образности в основных разновидностях народных сказок. В ней дана всеохватная объективная характеристика истоков и корней, развития и становления, роли традиций и новаций в современной жизни такого феномена, как сказочный эпос Нижегородского края.

В заключение необходимо еще раз отметить плодотворную текстологическую и исследовательскую работу одного из руководителей издания Ю.А. Курдина и пожелать всему творческому коллективу успешного претворения в жизнь серьезного научного проекта.

Литература

Афанасьев 1984—1985 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. Т. 1. М., 1984; Т. 2, 3. М., 1985 (Литературные памятники).

Даль 1993 — Пословицы русского народа: Сб. В.И. Даля в 3 т. М., 1993.

Добровольский 1891—1903 — *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 1—4. СПб., 1891—1903. (Зап. РГО; Т. 21, 23. Вып. 1—2).

Зеленин 1914 — *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914. (Зап. РГО; Т. 41).

Зеленин 1915 — *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915. (Зап. РГО; Т. 42).

Киреевский 1911 — Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1: (Песни обрядовые). М., 1911.

Комовская 1951 — *Комовская Н.Д.* Предания и сказки Горьковской области. Горький, 1951.

Комовская 1956 — Сказки, рассказы, песни Горьковской области / Вступ. ст., зап., ред. текстов, коммент. Н.Д. Комовской. Горький, 1956.

Мельников 1851 — *Мельников П.А.* Мокшанская свадьба. Эрзянская свадьба // Симбирские губернские ведомости. 1851. № 25—26.

Морохин 1979 — *Морохин В.Н.* Песни и сказки пушкинских мест. Л., 1979.

Морохин 1994 — В некотором царстве. Сказки родного края / Сост. В.Н. Морохин. Н. Новгород, 1994.

Потявин 1960 — Народная поэзия Горьковской области. Вып. 1 / Сост. и ред. В.М. Потявин. Горький, 1960. [С. 197—275: Сказки].

Садовников 1884 — Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д.Н. Садовниковым. СПб., 1884. (Зап. РГО; Т. 12).

Смирнов 1917 — Сборник великорусских сказок архива РГО. Вып. 1—2 / Изд. А.М. Смирнов. СПб., 1917. (Зап. РГО; Т. 44).

Соболевский 1895—1902 — Великорусские народные песни / Изданы проф. А.И. Соболевским. СПб., 1895—1902. Т. 1—7.

СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

Худяков 2001 — *Худяков И.А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001.

Чернышев 1950 — *Чернышев В.И.* Сказки и легенды пушкинских мест. М.; Л., 1950.

Шейн 1898—1900 — Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.: Материалы, собр. и приведен. в порядок П.В. Шейном. Т. 1. Вып. 1—2. СПб., 1898—1900.